

Анастасия Яшина

Каин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Яшина

Каин

«Автор»

2026

Яшина А.

Каин / А. Яшина — «Автор», 2026

Лондон, 1847 год. Семнадцатилетний Джеймс — беспризорник, работник фабрики, пьяница. Его жизнь — это джин, холод и станок, который медленно убивает его лёгкие. Он уже почти смирился, что умрёт в канаве. Но однажды холодным утром на пустой улице его находит человек, который не похож ни на кого из его мира. Слишком правильная одежда. Слишком прямая спина. Слишком холодные глаза. Джеймс решает, что терять нечего. Он ещё не знает, что эта встреча перевернёт его жизнь. И что спасение иногда бывает страшнее смерти.

© Яшина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Осколки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анастасия Яшина

Каин

Осколки

Я открываю глаза, но ничего не меняется. Вокруг всё та же чернота. Такая плотная, что кажется — её можно пощупать руками. Где-то далеко, будто сквозь вату, долетают голоса. Мужские. Грубые. Они смеются — коротко, отрывисто. Я слышал такие голоса сегодня. Или вчера. Время путается, когда не спишь трое суток.

Голова раскалывается. Не просто болит — будто кто-то засунул внутрь тупое долото и медленно проворачивает. В висках стучит. Каждый удар пульса отдается в глазницы. Я сижу, прислонившись к чему-то холодному и шершавому. Угол здания. Наверное, стена какой-то конторы — они все одинаковые здесь. Серый камень, который не пропускает тепло, даже если его нагревать целый день. А его не нагревают.

В правой руке что-то есть. Стекло. Я поднимаю бутылку. Пустая. Я смотрю на неё в темноту. И почему-то начинаю говорить.

— Ну что, дружище. Догулялись?

Бутылка молчит. Конечно, молчит. Она всегда молчит. И в этом её главное достоинство.

— Ты знаешь, — продолжаю я, поворачивая её в пальцах. — Когда я с тобой, я не чувствую этого проклятого станка. Как он трясется. Как грохочет. Двенадцать часов. А потом хозяин говорит: «сверх нормы, мальчик, хочешь есть — работай». И я работаю. Ещё два часа. Потому что без тебя, друг мой, я сдохну быстрее, чем без хлеба.

Я прижимаю бутылку к груди. Стекло холодное, но мне всё равно. Это единственное тепло, которое я сейчас чувствую.

— А ты меня убиваешь, — говорю я ей почти ласково. — Знаешь? Каждым глотком. Каждым пенни, который я отдал стойке джинового дворца. Ты жжёшь мне горло, а потом я просыпаюсь с таким ртом, будто там кошки бегали. Но ты — единственный, кто не врёт.

Голоса где-то снова смеются. Ближе. Или мне кажется. Я не оглядываюсь. Бутылка важнее.

— Знаешь, что самое смешное? — шепчу я. — Без тебя я помню всё. Как этот воздух на фабрике можно резать ножом. Как хлопковая пыль оседает в лёгких, и ты кашляешь кровью, но продолжаешь работать, потому что если остановишься — выгонят. И ты пойдёшь на улицу. А там голод. А голод страшнее станка.

Мои пальцы сжимают горлышко. Бутылка такая хрупкая. Разбить бы её о стену. Но я не могу. Это единственный друг, который у меня был.

— Ты делаешь меня слабым, — говорю я тихо. — Но без тебя я слабее. Как это называется? Когда тебе нужно то, что тебя убивает? Я не знаю такого слова.

Я подтягиваю колени к груди. Кладу локти на колени. Бутылка всё ещё в руке. Пустая. Бесплезная. Но я не выпускаю её. Где-то вдаль слышны шаги. Кто-то идёт по этой улице. В три часа ночи. В такой туман, когда даже газовые фонари не горят. Я должен бояться. Но мне всё равно. Если это грабители — у меня нечего взять. Если это полицейский — он пнёт и пройдёт мимо. Если это смерть — что ж...

Я поднимаю бутылку в последний раз.

— Спасибо за сегодня, дружище. Хотя бы сегодня я спал. И не видел фабрику.

Шаги ближе. Кто-то остановился совсем рядом. Я не поднимаю головы.

Пинок прилетает в бок. Не сильный — так, обозначить. Но неожиданный. Я кренюсь, упираюсь ладонью в мокрый камень, чтобы не завалиться окончательно.

— Ты чего развалился, Джеймс?

Джо. Конечно, Джо. Кто ещё будет шастать по этим улицам в такую рань. С ним мы сегодня и начинали. Или вчера. Чёрт его разберет.

— Вставай, — он дёргает меня за плечо. — Пошли. В пабе уже жарко, а тут ты скоро примерзнешь к этой стене навсегда.

Я не отвечаю. Просто смотрю перед собой. Всё ещё темно, но уже чуть светлее, чем было. Или мне кажется.

Джо наклоняется, замечает бутылку в моей руке. Тянется к ней, выхватывает легко — у меня даже сил нет сжать пальцы.

— А здесь ещё осталось?

Он подносит бутылку к лицу. Прищуривается. Переворачивает. Ничего. Он смотрит в горлышко, поворачивает так и этак. Потом резко задирает голову, зажмуривает один глаз и пытается поймать последние капли. Джин не течёт. Давно уже.

— Да чтоб тебя, — бормочет Джо и швыряет бутылку на мостовую.

Стекло взрывается. Осколки разлетаются. Я слышу, как один из них царапает камень рядом с моим ботинком. Что-то внутри ёкает. Глупо, конечно. Бутылка — просто стекло. Но мне кажется, будто вместе с ней разбилась та маленькая тёплая частица, которая ещё оставалась во мне. Или это джин отходил.

— Зря ты так, — говорю я тихо.

— Она пустая, — Джо пожимает плечами. — Пошли, я сказал. Уже светает. Через час на фабрику, а ты сидишь как чучело.

Он протягивает руку. Я смотрю на неё несколько секунд. Потом медленно поднимаюсь сам, опираясь на стену. Колени дрожат. Голова кружится.

— Какой сегодня день? — спрашиваю я.

— Понедельник. Или вторник. Какая разница? — Джо усмехается. — Ты сегодня много пил, Джеймс. Даже больше меня.

— Я всегда пью больше тебя.

— Вот поэтому ты и валяешься в подворотне, а я — на ногах.

Мы стоим друг напротив друга. Джо выглядит почти нормально. Ну, насколько это возможно для таких, как мы. Весь в саже, под глазом синяк — кто-то вчера заехал ему, я помню. Но он держится. Меня шатает. И холод уже не просто ломит кости — он внутри, в горле, в груди. Я делаю шаг и чуть не падаю. Джо подхватывает меня под локоть.

— Держись, — говорит он уже тише. — Не помирать же здесь. Ещё успеется.

— Ты считаешь? — бормочу я.

— Я считаю, что у тебя есть три пенса. И у меня есть три пенса. На шесть пенсов мы купим две порции джина и будем как люди. А потом пойдём на фабрику и встанем к станкам, и хозяин скажет, что мы никчёмные псы. И будет прав. Пошли.

Я смотрю на осколки на мостовой. Стекло блестит в слабом свете едва занявшегося утра. Мне жаль бутылку. Но я не говорю этого вслух.

— Пошли, — отвечаю я.

Джо хлопает меня по плечу, и мы идём. Похрустывая осколками под ботинками. Двое парней, которые уже давно не дети, но ещё не стали ничем. Утро встречает нас сырым туманом и запахом угля.

— Садись здесь, — Джо толкает меня к лавке у стены, и я почти падаю, успеваю подставить ладонь, чтобы не клюнуть носом в грязный стол. — Я сейчас.

Он разворачивается и идёт к стойке, лавируя между редкими посетителями. Я остаюсь сидеть, уперев локти в столешницу. В пабе тепло — слишком тепло после той стужи на улице. Пальцы начинают покалывать, будто в них возвращается кровь, и это почти больно.

Запахи тяжёлые, маслянистые: кислое пиво, дешёвый табак, жареный лук. Под потолком висит сизый дым, который не вытягивает даже распахнутая дверь. Несколько мужиков уже сидят по углам, пьют с утра пораньше, не глядя друг на друга. Никто не обращает на нас внимания.

Джо возвращается с двумя кружками. Одну он ставит передо мной с глухим стуком.

— Это не джин, — говорит он, садясь напротив и тут же откидываясь на спинку лавки. — Кофе с чем-то там. Хозяйка сказала — взбодрит. Нам ещё на фабрику, ты же не уснёшь за станком?

Я поднимаю кружку. Горький пар ударяет в лицо. Делаю глоток — обжигаете горячо, пахнет жжёным и цикорием. Но тепло растекается по груди, и это уже что-то.

— Сойдёт, — говорю я, ставя кружку на стол.

— Сойдёт, — передразнивает Джо, растягивая гласную. — Ты бы и из лужи пил сегодня. С твоей-то жаждой.

Он откидывается ещё сильнее, почти ложась на спинку, и медленно оглядывает зал. Взгляд его останавливается на стойке.

— Смотри, — он кивает, и голос его становится маслянисто-вкрадчивым. — А эта ничего.

Я поднимаю глаза. Девушка в грязном переднике, лет двадцати, с рыжими волосами, собранными в тугий узел. Она вытирает кружку тусклой тряпкой, но смотрит куда-то сквозь стену — в никуда. Усталая. Бледная. Под глазами тени.

— Нэнси, — читает Джо на клочке бумаги, приколотом к её платью булавкой. — Нэнси, значит.

— Оставь её, — говорю я, снова поднося кружку к губам. Кофе остыл достаточно, чтобы пить, не обжигаясь.

— Я ничего. Я просто смотрю.

Джо подаётся вперёд и всё-таки подзывает её взглядом, коротким кивком головы. Она замечает, вздыхает — я вижу, как поднимаются и опускаются её плечи — и подходит. Останавливается в полушаге от нашего стола, скрестив руки на груди.

— Чего вам ещё? — голос плоский, равнодушный, будто она повторяет эту фразу сотый раз за утро.

— Как тебя зовут, красавица? — Джо скалится, обнажая неровные зубы.

— Ты уже прочитал, — она кивает на бумажку, даже не глядя на неё. — Нэнси. Чего надо?

— Может, посидишь с нами? У нас тут разговор. Скучно одному пить, — он похлопывает по лавке рядом с собой.

Она смотрит на него так, будто он сказал что-то неприличное.

— У меня работа, — отрезает она и разворачивается. Юбка её шуршит по полу, когда она идёт обратно к стойке. Даже не обернулась. Джо провожает её взглядом, цокает языком.

— Грубая, — вздыхает он, но в голосе звучит не обида, а что-то вроде уважения. — Я таких люблю.

— Ты любишь всех, кто дышит, — я делаю ещё глоток. Кофе почти кончился, на дне осталась мутная гуща.

— И то правда, — Джо усмехается и наконец подносит свою кружку к губам. Пьёт пиво большими глотками, сглатывая шумно.

Некоторое время мы сидим молча. Я слушаю, как потрескивают поленья в камине где-то за спиной, как кто-то кашляет в углу — надсадно, с хрипом, по-фабричному. Тот же кашель, что и у меня.

— Слушай, Джеймс, — Джо ставит кружку и становится серьёзнее. Подвисает мгновение. — А ты помнишь своих?

Я смотрю в свою пустую кружку. Обвожу пальцем зазубренный край. Не отвечаю сразу.
— Немного, — говорю наконец, поднимая глаза. — Мать. У неё были тёмные волосы. Длинные. И руки всегда в муке. Она пекла хлеб. Я сидел на полу и ждал, пока он остынет.

— А отец? — Джо не отводит взгляда.

— Не помню. Ушёл, наверное. Или умер. Мне было года четыре, когда она...

Голос садится, я замолкаю и отвожу взгляд к окну. Там, за мутным стеклом, всё тот же серый туман.

— Что? — тихо спрашивает Джо.

— Заболела, — я пожимаю плечами, будто это не имеет значения. Будто это случилось не со мной. — Чухотка. Тогда многие так уходили. Лондон сырой, еды мало, а она ещё и работала за троих. Я стоял на коленях рядом с ней на полу — у нас была только одна комната. Она лежала на тюфяке и кашляла. Всё время кашляла. А потом перестала.

Я провожу ладонью по лицу — по щеке, по закрытым глазам.

— Потом я оказался на улице. Соседи выставили. Не до меня было. Имуущество моей матери разобрали за день, — я усмехаюсь одними губами. — Не пропадать же добру.

Джо молчит. Это редкая для него вещь — молчание. Он вертит свою пустую кружку в руках, смотрит на неё внимательно, будто ищет ответ на доньшке.

— А ты? — спрашиваю я, чтобы перебить тишину. — Ты никогда не рассказывал.

Он поднимает голову. Лицо у него вдруг становится чужим — без обычной насмешливой гримасы.

— Мои сгорели, — говорит он ровно, почти без интонации. — Фабрика, где они работали, загорелась. Ночью. Всё вместе — станки, люди, стены. Осталась одна труба торчать, как чёртов памятник.

Он сжимает кружку сильнее.

— Меня тогда к тётке определили. Думали, пристроят. А тётка сказала: «Работай или убирайся». Я и убрался. Мне семь было.

— И всё? — спрашиваю я, хотя понимаю, что добавлять нечего.

— А что ещё? — Джо пожимает плечами, и к нему постепенно возвращается его обычная маска. — Такая жизнь, Джеймс. Не все рождаются в белых воротничках.

Он допивает своё пиво — там, кажется, было уже на доньшке — и с грохотом ставит кружку на стол.

— Но мы живы. Пока живы.

— Это называется «живы»? — я поднимаю на него глаза. В пабе всё тот же дым, та же грязь, то же тепло, от которого клонит в сон. — Это существование, Джо. Не жизнь.

— А что ты хочешь? Памятник при жизни? — он усмехается, но усмешка выходит жёсткой, почти злой. — Мы — дерьмо, Джеймс. Самое низкое дерьмо в этом городе. Он нас переваривает каждый день и выплёвывает обратно. Но мы можем пить джин, работать и иногда трахаться с такими девками, как Нэнси. А завтра, может, сдохнем. И никто не заплачет. Даже твоя мать, если присмотрится с небес, — он поднимает палец к потолку, — и та скажет: «А, Джеймс? Ну, бывает».

— Ты циник, — говорю я, и в голосе нет обиды. Это просто констатация.

— Я реалист, — поправляет он и встаёт из-за стола. — Допивай свой кофе.

Он отодвигает лавку, поправляет рубаху, которая висит на нём мешком. А потом вдруг замирает. Смотрит на меня. В глазах — озорство. Джо натягивает штаны повыше — почти до рёбер, выпячивает живот, насколько это возможно на его тощем теле. Округляет плечи, запрокидывает подбородок, чтобы появились складки. Лицо становится брезгливым.

— Хозяин не любит, когда от вас воняет перегаром, — говорит он тонким, гнусавым голосом. — Это, знаете ли, оскорбляет мои драгоценные машины.

Он тычет пальцем в воздух, будто перед ним стоит провинившийся работник.

Я смотрю на эту карикатуру — тощий парень с натянутыми до груди штанами — и не выдерживаю. Смеюсь. Коротко, хрипло. Джо тоже ломается, сдувает пузо, сгибается пополам, упираясь руками в колени.

— Видел бы ты свою рожу! — выдавливает он сквозь смех.

— А ты, — говорю я, вытирая выступившие слёзы, — ты бы ещё походку его добавил. Как он ходит — переваливается, будто в штаны наложил.

Джо давится смехом, снова сгибается, машет рукой.

— Ох, Джеймс... — выдавливает он. — Ты знаешь, я слишком мало ем, чтобы наложить в штаны.

Он всё ещё смеётся, но в голосе проскальзывает горечь. Я её слышу. И, кажется, сам Джо её слышит, потому что резко обрывает смех, поправляет рубаху.

— Ладно. Пойду расплачусь.

Он идёт к стойке, покачиваясь. Я остаюсь сидеть и смотрю на остывшую гущу в кружке. Я допиваю. Горькая жижа обжигает горло. В кружке остаётся тёмная гуща. Я смотрю на неё секунду, потом отодвигаю.

— Спасибо, — говорю я. Не ему. Просто так.

Джо уже у стойки, расплачивается. Оборачивается на полпути:

— За что?

Я встаю. Ноги слушаются плохо, но лучше, чем час назад.

— Что поднял.

Джо молчит. Потом кивает — один раз, коротко — и машет рукой к выходу.

— Пойдём. Нас ждёт великое будущее. Или быстрая смерть. Что наступит раньше — увидим.

Мы выходим из паба. Утро уже серое, как всегда в Лондоне. Туман не думает рассеиваться — он лежит на мостовой жёлтым, вонючим одеялом. Где-то наверху, сквозь эту пелену, пытается пробиться солнце, но у него ничего не выходит.

— Нэнси, — мечтательно протягивает Джо, засовывая руки в карманы. — Я ещё вернусь к ней.

— Ты вернёшься к любой юбке, — я поправляю воротник — рубашка промокла от пота и тумана, противно липнет к шее.

— И это тоже правда.

Он смеётся. Я не смеюсь. Мы идём по мокрой мостовой туда, где через час станки начнут свой бесконечный грохот — монотонный, дробящий голову, убивающий всё, что ещё осталось от нас живого. Я сжимаю кулаки в карманах и считаю шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.